

«А сверх того, учёным вкорените всем в мысли, — обращаются эти христианские законоучители к руководителям русской церкви, — что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищаами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщёт, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов... Сохраните данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: „Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестью, а не языком)“» (VI, 396).

Неотразимая логическая аргументация очень часто сочетается в произведениях Ломоносова с живыми описаниями, метко схваченными с натуры картинами, которые он считал одним из важнейших средств эмоционального воздействия на слушателей и читателей. «Больше всех служат к движению и возбуждению страстей, — писал он в «Риторике», — живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются» (VII, 169—170).

Прекрасным примером такого описания, свидетельствующим о большой художественной наблюдательности Ломоносова, может служить содержащееся в том же письме «О сохранении и размножении российского народа» сатирическое изображение разговенья после великого поста:

«После того приближается светлое Христово воскресенье, всеобщая христианская радость, — тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. недели. Иной представляет себе приятные и скромные пищаи; иной думает, поспеет ли ему к празднику платье; иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, придут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чаёт случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец, заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели, Христос воскрес! Только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество!» (VI, 392).